

А. В. КАРТАШЕВ И ЕВРАЗИЙЦЫ¹

В статье рассматриваются взаимоотношения между известным историком Российской православной церкви А.В. Карташевым и основателями евразийского движения в среде пореволюционной российской эмиграции. Опираясь на анализ эго-документов (прежде всего, писем), автор показывает мотивы сотрудничества и причины расхождения, зависевшие в значительной степени от разногласий среди лидеров формирующегося евразийского движения. Обосновывается вывод о том, что А.В. Карташев сделал выбор в пользу объединившихся в Братство Святой Софии представителей старшего поколения религиозных мыслителей, которые, как это ни парадоксально, проявили большую склонность к творческому развитию православия, чем молодые евразийцы, вставшие на путь консервативного отстаивания религиозных догматов.

Ключевые слова: биография А.В. Карташева, евразийство, Братство Святой Софии

Антон Владимирович Карташев (1875–1960) принадлежит к плеяде тех российских историков, чье становление произошло еще до революционных потрясений в Российской империи, но раскрытие творческого потенциала проходило после прихода большевиков к власти, обусловившего изгнание их не только из родной страны, но и из отечественной историографии. Возвращение на родину их исследовательского наследия после крушения коммунистического режима создало благоприятные условия как для включения его в интеллектуальный контекст актуального исторического знания в России, так и для осмысления их жизненного пути, что верно и в отношении биографии А.В. Карташева², хотя она далека еще от завершения. Современное состояние ее изучения, в котором обозначены наиболее значимые моменты судьбы историка, позволяет ставить конкретные проблемы, связанные с детальным рассмотрением выборов, сделанных ученым на его жизненном пути. Этим определяется как предмет исследования – взаимоотношения с основателями евразийства, к числу которых его необоснованно относили в начальный период изучения евразийского движения и биографии А.В. Карташева, так и методологические принципы. Последние формируются на пересечении новой биографической истории и интеллектуальной биографии, о которых в последние годы создан ряд значимых работ³. Намеченный в них подход предполагает рассмотрение личности не в качестве результата

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00172 «В поисках Святой Руси: биография А.В. Карташева (1875–1960)».

² Подробный историографический обзор исследований о А.В. Карташеве будет представлен автором статьи в очередном номере журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические науки и археология».

³ См.: Репина 2006; Алипов 2011; Попова 2012; Базанов 2016 и др.

биографии, а как ее творца, поэтому значимыми событиями становятся «события-поступки», связанные с выбором, который осуществляет сама личность, исходя из собственных ценностных установок. Отсюда вытекает методологическое требование реконструкции таких событий и выборов, выявления их причинно-следственной связи и определения их влияния на дальнейшую судьбу Карташева. Поскольку различия концептов «Евразия» и «Святая Русь», разрабатывавшихся евразийцами и Карташевым, уже рассматривались мною, основное внимание в данной статье будет сосредоточено на их межличностных отношениях⁴, приведших к тому, что известный церковный историк сделал выбор не в пользу пореволюционного идейного течения евразийства, а связал свою судьбу с представителями старшего поколения, которые оказались верны своим идеалам предреволюционного Религиозного возрождения, творчески развиваемым ими в условиях эмиграции. Надежную основу для исследования составляют эго-документы, прежде всего, эпистолярное наследие, не только полно отложившееся в отечественных и зарубежных архивах, но и широко представленное в опубликованном виде.

После поражения белых войск и эвакуации остатков Добровольческой армии из Крыма осенью 1920 г. А.В. Карташев перебрался в Париж. Здесь ему нужно было обустроиваться житейски и определяться политически, чтобы продолжить борьбу с большевизмом, которая после военного поражения Белого движения для него переместилась в сферу духовную, сохраняя свою цель – преодоление безбожия коммунизма. Сближение с евразийцами на этом пути было кратковременным и случайным, ограничившись участием в ряде их изданий. Инициаторами его были сами евразийцы. Еще в конце 1920 г., до появления их первого, вызвавшего живую, хотя и неоднозначную, реакцию сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), князь А.А. Ливен, не участвовавший в евразийских изданиях, но являвшийся, судя по переписке основателей евразийства, душой группы в период зарождения этого идейного течения, писал П.Н. Савицкому: «Где Карташев? <...> Помимо “евразийского” материала нам интересно все то, что связано с возрождающимся религиозным движением. Связь с Евразией сама собой понятна. Отсюда интерес к Карташеву. Есть ли у него материал? Нельзя ли получить его: “Реформа, Реформация и исполнение церкви” для перепечатания?»⁵. Однако полученная евразийцами статья А.В. Карташева, написанная на основе его устного выступления в Религиозно-философском обществе еще в начале 1916 г.,

⁴ На важность именно этого аспекта становления евразийства в свое время справедливо указал А.В. Соболев. См.: Соболев 1992.

⁵ Записки 2011–2012. С. 15.

не вызвала одобрения у идейного лидера формирующегося течения князя Н.С. Трубецкого. Оценивая возможности выпуска второго сборника после выхода в 1921 г. нашумевшего «утверждения евразийцев», он писал своему другу П.П. Сувчинскому: «...[Н]и материалов, ни ясного замысла для этого сборника нет, а есть статья Карташева, из-за которой весь сыр-бор и загорелся. Между тем мне эта статья представлялась весьма спорной, особенно для помещения во *второй* сборник, как я его себе представлял. Если бы можно было записать ту лекцию, которую К[арташев] читал в Софии, это было бы совсем то, что нужно: ярко, конкретно, актуально и совершенно безупречно с точки зрения ортодоксального евразийства. Но “Исполнение Церкви” совсем не то: как ни перделывать, чувствуется, что написано давно, в применении к “моменту” – расплывчато и не связано с нами ясным и наглядным способом»⁶.

Затруднительную ситуацию разрешил «полный энергии и задора» П.Н. Савицкий, приехав в Софию и убедив Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского в возможности завершить подготовку второго евразийского издания. В результате «сильно урезанная» статья Карташева была включена в сборник «На путях», а Савицкий написал к ней предисловие⁷. В нем были оговорены отдельные расхождения во взглядах. Среди них наиболее значимым Савицкий считал не свойственный евразийцам хилиастический пафос Карташева. Однако именно этот пафос будет одним из мощных стимулов переосмысления историком его теократической концепции в годы эмиграции. Не стал Савицкий акцентировать внимание, а, возможно, просто не уловил то, что критика иудейства, протестантизма и католичества была для Карташева аргументом для обоснования необходимости нового решения вопроса об отношении христианства к истории, а не самоцелью, как у евразийцев. Главным для одного из основателей евразийства было подчеркнуть не различие, а близость их взглядов.

Указание П.Н. Савицкого на ценность «схождения» с А.В. Карташевым «в вопросах богословско-идеологических» отражало стремление евразийцев заручиться поддержкой известного деятеля предреволюционного религиозного возрождения в России. В середине февраля 1922 г. еще один из участников сборника «Исход к Востоку» Г.В. Флоровский, выражая созвучное настроениям А.А. Ливена желание усилить религиозный акцент в евразийстве, обратился в письме к нему и Н.С. Трубецкому с предложением издать «ярко-религиозный» сборник. На первом месте в списке авторов, включавшем не только евразийцев, но и ряд представителей предреволюционного религиозного возрожде-

⁶ Глебов 2010. С. 177.

⁷ Савицкий 1922. С. 27–29. Первоначально предисловие было написано Г.В. Флоровским. См.: Савицкий 2018. С. 255. О ходе подготовки статьи к печати в сборнике см.: Савицкий 2018. С. 259–260, 262–263.

ния, он упоминал Карташева⁸. Отрицавший возможность какого-либо сотрудничества со «старыми гримзами», как он называл дореволюционных идеологов из среды интеллигенции, Трубецкой с явным подозрением отнесся к этому предложению. При этом его смущали не столько религиозные идеи Карташева, сколько участие последнего в деятельности Русского национального комитета («Национального центра», как называл его князь), созданного еще в 1919 г. и утвержденного в июне 1921 г. на съезде Русского национального объединения, декларировавшего приверженность идеалам белого движения. «Я сильно боюсь, что Карташев есть фактическая ошибка, — замечал Трубецкой в ответном письме Флоровскому от 17 февраля 1922 г. — После второго сборника со статьей Карташева и к нам приклеят ярлык “Национального Центра”, и это даст возможность раз навсегда от нас отмахнуться и нас игнорировать»⁹. Не разделявший стремления Трубецкого размежеваться со старшим поколением религиозных мыслителей Флоровский попытался разуверить князя. Явно преувеличивая свою способность и возможности евразийцев влиять на них, он убеждал его, что публикация в евразийском сборнике позволит Карташеву, близкому якобы к выходу из комитета, окончательно «выскочить оттуда». Однако повлиять на идейного лидера евразийцев ему не удалось. Размышляя о возможных «тактических союзах» с эмигрантскими политическими группировками и их лидерами в доверительном письме П.П. Сувчинскому от 26 февраля 1922 г., Трубецкой еще раз подчеркнул, что «в смысле компрометантности Карташев куда хуже», чем даже В.И. Гурко¹⁰, который был известен своими националистическими взглядами.

Однако то, что не удалось Флоровскому, сумел сделать Савицкий. По его просьбе Трубецкой все же написал Карташеву письмо, в котором приглашал его принять участие в антикатолическом сборнике, готовившемся к печати евразийцами. Этот сборник, задуманный как разоблачительный ответ на установление контактов представителей католической церкви с «советами» и на попытки перекрещивания православных в католичество на территориях, отошедших к Польше от советской России по Рижскому договору, предполагалось выпустить без «евразийской марки», что открывало туда дорогу Карташеву, который так же негативно реагировал на указанные факты. Считавший его участие «желательным», хотя и не «непременным условием» издания сборника Савицкий сам написал письмо Карташеву. В нем он посетовал, что «по целому ряду вопросов богословской мысли и церковной политики мы не имеем руководителя», и попросил от имени «небольшого кружка православ-

⁸ Записки 2011–2012. С. 58.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Глебов 2010. С. 187.

ных людей, в настоящий момент оказавшихся в Праге», помочь им в этом качестве¹¹. Савицкий просил и Сувчинского написать письмо Карташеву, заметив, что «Г.В. Флоровский уже написал ему с чисто личным подходом»¹². Более того, судя по контексту письма Савицкого Сувчинскому, он считал возможным участие Карташева не только в этом сборнике, но и в евразийском «соборе», намечавшемся на лето 1922 г. В качестве важного направления дальнейшей работы евразийцев он считал содействие «возникновению в разных местах тесно сплоченных православных кружков, из людей, и, прежде всего, из молодежи, готовой активно вести тяготы борьбы, идеологической и всякой иной, во имя, прежде всего – Православия и затем Родины»¹³. Эта идея вполне могла найти отклик у Карташева, считавшего важным средством содействия укреплению православия духовно сплоченные организации мирян (в т.ч. молодежные), построенные по типу православных братств. Правда, долгая задержка ответа Карташева раздражала энергичного Савицкого, заявившего в письме Сувчинскому по вопросу подготовки антикатолического сборника о своей готовности «выбросить [историка] за борт»¹⁴.

Под влиянием достаточно резких суждений о Карташеве лидера евразийцев князя Трубецкого Флоровский постепенно перешел от поддержки Карташева к его игнорированию, а затем и критике при обсуждении плана издания религиозного журнала «Устои»¹⁵. Разделяя антисемитские взгляды князя, Флоровский даже обвинил Карташева в том, что тот впал «в чертовщину», ссылаясь на его предисловие к «разоблачению сказок о “жидомасонах” г. Ю. Делевского»¹⁶. Именно так назвал книгу Я.Л. Юдиловского «Протоколы сионских мудрецов (история одного подлога)» (Берлин, 1923) один из основателей евразийства, теряющий свои позиции в движении, явно надеясь на понимание Трубецкого. Стремясь заручиться поддержкой князя, Флоровский, которому первоначально планировалось поручить написать для сборника статью «Единая Церковь и соединение церквей», выступил с критикой рукописи статьи Карташева на аналогичную тему¹⁷. Не получив поддержки, он стал проявлять отсутствие интереса к изданию, так что Савицкому пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться от него обещанной статьи.

Не знавший содержания рукописи Карташева до момента редактирования сборника, Трубецкой, настаивая на «боевом» характере изда-

¹¹ См. об этом: Голлербах 2000. С. 442–443.

¹² Савицкий 2018. С. 272.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 274.

¹⁵ Следует отметить, что к идее периодического религиозного издания евразийцев достаточно скептически относился Савицкий.

¹⁶ Записки 2011–2012. С. 105.

¹⁷ Там же. С. 86, 93, 97.

ния, сомневался, не будет ли она написана в «примиренческом духе». Своими опасениями он делился с Сувчинским¹⁸ и Флоровским, прося последнего в письме от 1 января 1923 г. переговорить с Савицким о возможности в случае ее примиренческого характера вернуть текст автору. «Если статья Карташева в примиренческом духе, то она к сборнику не подходит и ее надо просто вон. Теперь Бердяев в Берлине будет издавать журнал “София”, религиозно-толерантного направления (его жена уже перешла в католичество, а он *пока* нет), вот там и можно напечатать статью Карташева, если она не подходит к нам. Я, во всяком случае, не вижу, почему нам за эту статью непременно держаться. А ведь можно ее вернуть в такой форме, что Карташев не сможет обидеться»¹⁹. Однако по получении текста статьи он отбросил свои опасения, списав их возникновение на склонность Савицкого к оговоркам, и в результате предложил переделать написанное последним предисловие к сборнику, убрав из него упоминания о разногласиях между евразийцами и Карташевым²⁰. Савицкий согласился с этим, заметив, что «статья Карташева, в общем смысле, развивает последние фразы статьи князя»²¹.

Основания для отсылки статьи А.В. Карташева в журнал «София» были вполне реальными. Задумавший его издание Н.А. Бердяев, незадолго до этого высланный из советской России и ориентировавшийся на диалог с западноевропейскими мыслителями, предусматривал в числе сотрудников, наряду с о. С. Булгаковым, В.В. Зеньковским, И.А. Ильиным, Н.О. Лосским, П.И. Новгородцевым, и А.В. Карташева²². Тем самым последний оказывался среди «старых гримз», с которыми не хотел иметь дела Н.С. Трубецкой. В письме от 25 сентября 1923 г. П.П. Сувчинскому, который планировал свое участие в журнале, П.Н. Савицкий солидаризировался с князем, указывая в пику взглядам своего бывшего друга, а теперь оппонента Г.В. Флоровского, установившего прочные связи с С.Н. Булгаковым, что «Новгородцев, Булгаков и Карташев – как таковые – нам ничего не прибавят и ничего у нас не убавят»²³. Более того, он указывал на личные черты Карташева, которые затруднили бы постоянное сотрудничество с ним: «Он неустойчивый (хотя и вовсе иной, по сравнению с Флоровским); сегодня будет соглашаться с Вами, а завтра с другим, говорящим прямо противоположное». «Перефразируя наше новое “утверждение”, скажу о Булгакове, Новгородцеве, Карташеве (также Бердяеве, Франке и прочих!); будем уважать их идейное, учебно-административное и иное прошлое и настоящее, но не их мы видим

¹⁸ Глебов 2010. С. 206.

¹⁹ Записки 2011–2012. С. 97–98.

²⁰ Там же.

²¹ Савицкий 2018. С. 294.

²² Братство 2000. С. 172–173.

²³ Савицкий 2018. С. 320.

в будущем, к которому стремимся»²⁴, – несколько поспешно отмежевался от возможных соратников в идейной борьбе Савицкий, непоколебимо уверенный в перспективности и преимуществах евразийства.

О поспешности таких оценок свидетельствовал следующий факт. Пятеро из предполагаемых сотрудников издания «София», которые должны были «определить физиономию журнала», а именно: Бердяев, Булгаков, Зеньковский, Карташев и Новгородцев приняли участие в первом съезде Русского студенческого христианского движения (далее – РСХД), который состоялся 1–7 октября 1923 г. в г. Пшеров в Чехословакии. На съезде были прочитаны доклады о. С. Булгаковым «Пути и формы христианской деятельности», Н.А. Бердяевым «Русский религиозный тип», А.В. Карташевым «Русское религиозное движение XIX–XX веков», В.В. Зеньковским «Психология религиозных кризисов» и А.И. Никитиным «Миссионерская задача христианина»²⁵. В.В. Зеньковский, избранный на нем председателем РСХД, ясно запомнил выступления Бердяева, Булгакова и Карташева, определившие характер съезда и его значение. Бердяев выступил против «интерконфессионального метода» организации движения²⁶, а Булгаков и Карташев раскрыли значение православия, как его духовного основания. «Помню, что после доклада Булгакова, который зачаровал аудиторию так, что она словно не в силах была прийти в себя и молчала, – встал Карташев и сказал молодежи, взяв слова Спасителя к самарянке: “Если бы ты знала, кто перед тобой”», – вспоминал Зеньковский. «Доклад Карташева, – продолжал он, – поразил другим. Он говорил о назревшей необходимости организации церковных сил, о выявлении полноты и богатства Православия в жизни. Всем известно “магическое” красноречие Карташева, обаянию которого поддаются все, и старые, и молодые. Но здесь, на фоне все более раскрывающегося богатства Православия, – эта задача, которую он ставил – “нести всему миру икону Православия”, – казалась не только сияющей, как бы свыше намеченной для русских людей, но непосильной. <...> Речь Карташева потрясла не тем, что говорила о полноте Православия, а тем творческим призывом, который звучал в ней. Для нас, старших, было только чуждо сильное звучание католических образов (Карташев говорил, например, о возможности появления “орденов” в Православии и т.п.), но и нас она волновала»²⁷.

Во время неформального «профессорского собрания» на съезде Карташев предложил возродить деятельность Братства Святой Софии, учрежденного в России еще в 1918 г. и утвержденного патриархом Ти-

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Аржаковский 2000. С. 116.

²⁶ Зеньковский 1993. С. 24.

²⁷ Там же. С. 25–26.

хоном²⁸, но так и не сумевшего развернуть свою работу из-за начавшейся Гражданской войны. Он же подготовил новый устав братства на основе Временного устава 1918 г., сократив его и изменив в соответствии с новым, эмигрантским положением его членов²⁹. Вскоре устав был утвержден митрополитом Евлогием, возглавлявшим с благословения патриарха Тихона русские православные приходы в Западной Европе. Так образовалось духовное сообщество, члены которого видели свою задачу «в обращении на служение православной Церкви преимущественно мирянских культурных сил двумя путями: 1) путем собирания в единый братский союз активных работников церковно-богословского просвещения и церковно-общественного делания и 2) путем объединения и организации их труда на ниве церковно-общественной»³⁰. При этом консолидация православных мирян, представленных в братстве известными еще до революции религиозными мыслителями, вовсе не предполагала их резко отрицательного отношения к католицизму или протестантизму. Скорее, наоборот, большинство из них выступало за диалог с представителями иных христианских конфессий для создания единого фронта против безбожия коммунизма.

На этом фоне становится понятным постепенное изменение отношения евразийцев к тем различиям во взглядах, на которых не захотел акцентировать внимание Савицкий в предисловии к статье Карташева во втором сборнике евразийцев «На путях». Еще в сентябре 1923 г., до «смотрового съезда» РСХД, при обсуждении вопроса о философской статье для «Евразийского временника» № 1 в письме Сувчинскому Трубецкой отмечал, что «хорошо бы» было получить статью Карташева, без которой, «пожалуй, придется обойтись совсем без философии»³¹. После съезда Савицкий встретился с Карташевым в Праге, чтобы обсудить возможность его дальнейшего участия в евразийских изданиях. В письме Сувчинскому 18 октября 1923 г. он отмечал, что Карташев не видит противоречия между своим участием в братстве, объединявшем «старшее поколение», к которому по духу (названному историком к удовольствию евразийцев «поповской „пресностью“») он отнес Флоровского, и своим сотрудничеством с ними. Хотя Савицкий с иронией отзывался о центристской, по сути, тактике Карташева, готового «обнять всех, и нас, и других – единым дружеским объятием», но с удовлетворением отмечал, что тот обещал зимою написать для евразийского издания маленькую статью о «гносеологии догмата», а в течение весны – большую ру-

²⁸ Там же. С. 6, 21.

²⁹ Ср.: Братство 1997. С. 97–113. Предположение редакторов о том, что устав написал Булгаков (С. 100), не обосновано. Ср. ясное указание на авторство Карташева самого Булгакова в его письме Бердяеву от 10/23 декабря 1923 г.: Братство 2000. С. 187.

³⁰ Братство 1997. С. 110.

³¹ Глебов 2010. С. 227.

копись «о русской церкви под цезарепапизмом». Казалось, что намеченные перспективы укрепят связи Карташева с евразийским движением. Но уже через полтора месяца (26 ноября) в письме Флоровскому Трубецкой отмечал по этому поводу: «С именем евразийцев, по существу совершенно правильно, связывают “Россию и латинство”, т.е. не только проповедь православия, но и активно-боевой, оборонительный тон против латинства. В этой области мы ни на какие уступки идти не можем: максимум был дан в статье Карташева, да и то лишь при условии общего контекста других статей»³². Тем самым лидер евразийцев вынужден был признать, что взгляды Карташева скорее диссонировали, нежели гармонировали с их отношением к католицизму. Эту оценку он повторил в отправленном в тот же день письме Сувчинскому³³. А примерно через месяц в другом письме к нему же добавил: «Мои впечатления от “России и латинства” несколько двоятся. Откровенно говоря, нельзя считать сборник удачным. Статья Карташева положительно слаба <...>, но главное, это совсем не то, что требовалось»³⁴.

Действительно, реализацию собственного идеала новой теократии Карташев еще в 1916 г. видел лишь в рамках вселенской церкви, и он продолжал придерживаться этой точки зрения после революции, что отразилось в его работах и обусловило его участие в экуменическом движении. Он определенно сделал выбор в пользу диалога с католиками и протестантами, который был инициирован Бердяевым, предполагавшим активное участие Карташева в своих начинаниях³⁵. Им не свойственны были резко негативные оценки католичества и отрицание возможности какого-либо диалога с его представителями, характерные для лидера евразийцев Трубецкого³⁶. Расхождение во взглядах постепенно вынужден был признать и Трубецкой, хотя по-прежнему понимал, что Карташев являлся признанным авторитетом в изучении прошлого Российской православной церкви и его участие в евразийских изданиях усилило бы позиции евразийцев. Даже обвинивший Карташева в «чертовщине» Флоровский полагал, что в планируемом им периодическом издании по религиозно-философской тематике под названием «Устои», «о трагизме русской церковно-общественной жизни надо дать статью, и

³² Записки 2011–2012. С. 132.

³³ Глебов 2010. С. 239.

³⁴ Там же. С. 251.

³⁵ Аржаковский 2000. С. 111–112, 169–170.

³⁶ Эти разногласия не замечены в обстоятельной монографии Отто Бёсса, поэтому его утверждения, основанные на изложении взглядов Карташева и Трубецкого, звучат противоречиво: «...евразийцы верили в возможность объединения церквей и надеялись, что инициатива будет исходить от русского православия» и «мнение же о невозможности объединения, унии с западным христианством для евразийцев основывалось на необоснованном убеждении, что истинное объединение церквей не может быть достигнуто человеческими средствами». См.: Böss 1961. S. 72.

Карташев ее хорошо напишет»³⁷. Эта идея, дошедшая до Трубецкого через Сувчинского, получила также поддержку князя³⁸, хорошо знавшего отрицательное отношение историка к синодальному периоду в истории Российской православной церкви и все еще надеявшегося на свои способности оказать влияние на Антона Владимировича. В общем-то, характер обсуждения историко-церковных тем в переписке между Трубецким и Флоровским, в которой первый настаивал на национальном начале, а второй — на вселенском, позволяет заключить, что предложенный позже Карташевым «синтез» исторического и изменчивого национального и вечного и неизменного вселенского начал в прошлом Русской церкви мог бы сгладить противоречия между ними.

Однако полученное в канун нового, 1924-го, года известие о вступлении «дяди Гриши (Г.Н. Трубецкого. — А.А.) и Карташева в Орден св. Софии» заставило Н.С. Трубецкого заключить: «Карташев, пожалуй, для нас погиб. На него можно действовать только при непосредственном общении, а в Париже наших никого нет, и там действуют на него другие, совсем в ином направлении. Впрочем, я уверен, что и сейчас, если его случайно поймать и припереть к стенке, от него можно получить статью для “Временника”. Но только где его поймать?»³⁹. Лелеять надежду «уловить» Карташева евразийцы могли только до того момента, когда князь в ответ на предложение войти в Братство св. Софии подверг резкой критике от имени «евразийской тройки» (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и П.П. Сувчинский) его устав⁴⁰. И хотя опровержение этих инвектив взял на себя о. С. Булгаков⁴¹, Карташев также сделал для себя необходимые выводы. После того как под влиянием критики устава евразийцами из братства вышел их сторонник Г.В. Вернадский, Антон Владимирович в письме В.В. Зеньковскому от 17 марта 1924 г. заметил:

Психология Вернадского, евразийцев и вообще “молодого” поколения показателна. “Грядет примитивная реакция” — как месть за “муки” революции. Упокоение в ней соблазнительно, как *отдых* после муки и как сладкий пафос. Нам нельзя смущаться. Молодые увлекаются этим от обеднения их души. Нам, отложив грехи революционизма, нужно помнить о высшей норме — не только “хранения”, но и “раскрытия” “залога веры”.
Время великое и страшное. Пред лицом его нельзя “прибедниваться”. Наоборот, и всего нашего “богатства” мало. Еще надо больше и широты, и “новизны”, и творчества»⁴².

³⁷ Записки 2011–2012. С. 226.

³⁸ Глебов 2010. С. 246.

³⁹ Там же. С. 256.

⁴⁰ Братство 2000. С. 196–203.

⁴¹ Там же. С. 204–206. До написания своего ответа лидеру евразийцев С.Н. Булгаков подробно изложил претензии Н.С. Трубецкого к уставу в письме В.В. Зеньковскому и А.В. Карташеву (см.: там же. С. 192–196).

⁴² Там же. С. 206–207.

Тем самым историк не только подтверждал свою принадлежность к «старым гримзам», но и приверженность к их, по сути, модернистскому подходу к православию, которое требовало творчества и оказывалось противоположным охранительным устремлениям евразийцев. Поэтому, несмотря на попытки примкнувшего к евразийцам А.В. Ставровского подтолкнуть их лидеров к установлению взаимодействия с «софианцами»⁴³, дальнейшее сотрудничество между евразийцами и Антоном Владимировичем Карташевым стало уже невозможно.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алипов П.А. Жанр интеллектуальной биографии в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого. Материалы всероссийской научной конференции. Москва, 15–16 июня 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 7–20. [Alipov P.A. Zh'anal intelektual'noi biografii v rossiiskoi istoriografii // Budushchee nashego proshlogo. Materialy vserossiiskoi konferentsii. Moskva, 15–16 iunija 2011 g. M.: RGGU, 2011. S. 7–20]
- Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. К.: Феникс, 2000. 656 с. [Arjakovskiy A. Zhurnal «Put'» (1925–1940): Pokolenie russkikh religioznykh myslitelei v emigratsii. K.: Feniks, 2000. 656 s.]
- Базанов М.А. Интеллектуальная биография: контуры нового жанра в российской и украинской историографии // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 221–233. [Bazanov M.A. Intellektual'naia biografiia: kontury novogo zhanra v rossiiskoi i ukrainskoi istoriografii // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 221–233]
- Братство святой Софии. Документы (1918–1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997. СПб.: Алетея, 1997. С. 97–113. [Bratstvo sviatoi Sofii: Dokumenty (1918–1927) // Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik za 1997. SPb.: Aleteia, 1997. S. 97–113]
- Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н.А. Струве, Т.В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000. 336 с. [Bratstvo Sviatoi Sofii: Materialy i dokumenty. 1923–1939 / Sost. N.A. Struve, T.V. Emel'ianovoi. M.: Russkii put'; Paris: YMCA-Press, 2000. 336 s.]
- Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010. 632 с. [Glebov S. Evraziistvo mezhdu imperiei i modernom: Istoriia v dokumentakh. M.: Novoe izdatel'stvo, 2010. 632 s.]
- Голлербах Е.А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1918) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетея, 2000. 560 с. [Gollerbakh E. K nezrimomu gradu: Religiozno-filosofskaiia grupa «Put'» (1910–1918) v poiskakh novoi russkoi identichnosti. SPb.: Aleteia, 2000. 560 s.]
- Ермишина К.Б. «Любовь нужна пламенная...». Материалы к истории братства св. Софии: письма Н.С. Трубецкого и прот. С. Булгакова // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2008. Вып. 1 (21). С. 95–99. [Ermishina K.B. «Lubov' nuzhna plamen-naia...». Materialy k istorii Bratstva sv. Sofii: Pis'ma N.S. Trubetskogo i prot. S. Bulgakova // Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofii. 2008. Vyp. 1 (21). S. 95–99]
- Записки русской академической группы в США. Т. 37. Нью-Йорк, 2011–2012 / Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA. Vol. XXXVII. N.Y., 2011–2012.
- Зеньковский В.В. Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции (из истории русских религиозных течений в эмиграции) // Вестник РХД. 1993. № 168 (II–III). С. 5–40. [Zen'kovskii V.V. Zarozhdenie R.S.KH.D. v emigratsii // Vestnik RKHD. 1993. № 168 (II–III). S. 5–40]
- Попова Т.Н. Персональная история vs интеллектуальная биография, биоисториография: подходы и понятия // Человек в истории и культуре. О.: ОНУ, 2012. С. 540–563.

⁴³ Голлербах 2000. С. 429–430; Ермишина 2008. С. 95–99.

- [Popova T.N. Personal'naia istoriia vs intellektual'naia biografiia, bioistoriografiia: podkhody i poniatiia // *СНеловек в истории i kul'ture*. О.: ONU, 2012. S. 540–563]
- Репина Л. П. Биографический подход в интеллектуальной истории // *Философский век*. 2006. Вып. 32. Ч. 2. С. 101–108. [Repina L.P. Biograficheskii podkhod v intellektual'noi istorii // *Filosofskii vek*. 2006. Vyp. 32. Ch. 2. S. 101–108]
- Савицкий П.Н. Предисловие к статье А.В. Карташева «Реформа, Реформация и исполнение Церкви» // *На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая*. М.-Берлин: Геликон, 1922. С. 27–29. [Savitskii P.N. Predislovie k stat'e A.V. Kartasheva «Reforma, Reformatsiia i ispolnenie TSerkvi» // *Na putiakh. Utverzhdenie evraziitsev. Kniga vtoraiia*. М.-Berlin: Gelikon, 1922. S. 27–29]
- Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Вико-М, 2018. 680 с. [Savitskii P.N. Nauchnye zadachi evraziistva. Stat'i i pis'ma. М.: Dom russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna; Viko-M, 2018. 680 s.]
- Соболев А.В. Своя своих не познаша. Евразийство: Л.П. Карсавин и другие (конспект исследования) // *Начала*. 1992. № 4. С. 49–58. [Sobolev A.V. Svoia svoikh ne poznasha: L.P. Karsavin i drugie (konspekt issledovaniia) // *Nachala*. 1992. № 4. S. 49–58]
- Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961.

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, antoshchenko@yandex.ru

A.V. Kartashev and the eurasianists

The article discusses the relationship between the famous historian of the Russian Orthodox Church A.V. Kartashev and the founders of the Eurasian movement among the Russian emigrants after the Revolution in 1917. Based on the analysis of ego-documents (first of all, letters), the author shows the motives for their cooperation and the reasons for the discrepancy that depended largely on disagreements among the leaders of the emerging Eurasian movement. As a result of a detailed review of the materials, he substantiates the conclusion that A.V. Kartashev made his choice in favor of the older generation of religious thinkers, who united in the Fraternity of Saint Sophia and, paradoxically as it sounds, manifested a greater inclination towards the creative development of Orthodoxy than the young Eurasianists who embarked on the path of conservative upholding religious dogmas.

Keywords: biography of Anton V. Kartashev, Eurasian movement, Fellowship of St. Sophia
Aleksandr Antoshchenko, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Russian history in Petrozavodsk State University; antoshchenko@yandex.ru